

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Никого не жаль
Игра в кубики
Синдром бесконечной радости

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Тайны взрослых девочек
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес

Сериал «Клиника»

Силиконовая надежда
Пластика души
Хирургия мести
Реанимация судьбы

Сериал «Переменная облачность. И о любви»

Ее внутреннее эхо
Ретроградный Меркурий

МАРИША
КРАМЕР

РЕАНИМАЦИЯ
СУДЬБЫ

Москва

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

- [eksmolive](#)
- [eksmo](#)
- [eksmolive](#)
- [eksmo.ru](#)
- [eksmo_live](#)
- [eksmo_live](#)

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Антонова*

В оформлении обложки использована фотография:
© Mayer George / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Крамер, Марина.

К77 Реанимация судьбы / Марина Крамер. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Закон силь-
ной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-118894-8

Странный телефонный звонок отца заставляет пластического хирурга Аделину Драгун принять в своей клинике женщину, нуждающуюся не в операции, а в помощи и защите. Надежда спасается от кредиторов, требующих вернуть долги ее матери. Новый хирург Игорь Авдеев тоже вызывает у Аделины много вопросов – прекрасный врач, он порой ведет себя довольно странно. Пытаясь разобраться в происходящем, Аделина выясняет, что Надежда и Игорь в прошлом связывали длительные отношения. И у Игоря есть тайна, которую он старательно хранит ото всех.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118894-8

Ошибаются те, кто думает,
что Рай и Ад ждут нас после смерти;
они с нами в каждый момент
этой жизни.

АНХЕЛЬ ДЕ КУАТЬЕ,
«ЯБЛОКО ЕВЫ»

Аделина

Сентябрь

Самое неприятное по утрам — просыпаться не от звонка будильника, а от назойливого жужжания мобильного телефона на тумбочке. Человек, звонящий в половине седьмого утра, похоже, не отдает себе отчета в том, что своим звонком может выбить меня из колеи на весь день, а то и на всю неделю, если дело происходит в понедельник. Так уж я устроена — телефонные звонки никогда ничего хорошего в мою жизнь не приносили.

— Аделина, да возьми ты уже чертову трубку, — простонал рядом муж, пряча голову под подушку. — У меня библиотечный день сегодня, надеялся выспаться...

— Прости... — Я с неохотой выбралась из-под одеяла и, прихватив телефон, вышла в кухню.

Звонил отец. Отец, пропавший из моей жизни так давно, что я уже и обижаться перестала, не общавшийся теперь со мной по два-три месяца, нашел время для задушевного разговора. Понедель-

МАРИНА КРАМЕР

ник, шесть тридцать утра. Ну что же, сделаем вид, что я рада его слышать...

— Алло, — включая плиту и снимая с полки банку кофейных зерен, проговорила я в трубку.

— Деля, прости, что так рано, — в голосе отца слышались виноватые нотки, и это было странно, — но мне необходима твоя помощь.

— Помощь? Тебе? В Швейцарии закончились пластические хирурги?

— Не в этом дело.

— А в чем? — сразу насторожилась я, потому что вторым человеком, кому могла понадобиться моя помощь, был брат Николенька, третий год живший у отца.

— Есть одна девушка... словом, ей нужно какое-то время побыть там, где ее никто не найдет, так сложились обстоятельства. Пока оформляются документы на выезд, ей необходимо убежище, и я подумал, что твоя клиника...

— Отец, моя клиника — не перевалочный пункт для мигрантов.

— Может быть, ты сперва дослушаешь? От тебя ничего не требуется, я оплачу каждый день ее пребывания по максимальному тарифу.

— Дело не в деньгах. Есть такое понятие, как репутация.

— Тебе беспокоиться не о чем. Никакого криминала, я бы ни за что тебя не втянул во что-то противоправное. Я прошу тебя просто помочь человеку, оказавшемуся в тяжелой ситуации. У тебя

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

наверняка есть хорошие психологи, я бы оплатил работу с ними, это необходимо.

— А я могу задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Кем тебе приходится эта девушка?

Не знаю, как вообще у меня это вырвалось, почему при упоминании о какой-то незнакомке у меня внутри все заныло от неприятного предчувствия. И, задав вопрос, я вдруг поняла, что уже не хочу слышать ответ.

— Она дочь моего друга, — произнес отец, и я даже испытала разочарование, поняв, что ошиблась. Мне почему-то показалось, что речь пойдет о какой-нибудь его внебрачной дочери. — Аделина, я очень тебя прошу... — Тон отца вдруг изменился на почти умоляющий, и это было даже слегка неловко — мой отец владел крупной фирмой, работал на международном уровне и никогда ни о чем никого не просил. — Я должен ее выручить, но сделать это могу только с твоей помощью.

— Я поняла. Пусть приезжает, дай ей мой номер.

— Спасибо, дочь.

Хорошо, что в этот момент он не мог видеть выражение моего лица. Дочь...

— Кто это звонил в такую рань? — пробормотал сонно Матвей, сбрасывая с головы подушку.

— Отец.

МАРИНА КРАМЕР

— Да? — Мгновенно стряхнув остатки сна, муж сел в постели и посмотрел на меня внимательно. — И о чем речь?

— Сама не поняла, — призналась я со вздохом и завалилась на кровать, по-прежнему сжимая в руке телефон. — Но чувствую, что согласилась на какую-то аферу.

— Чего он хотел?

— Чтобы в моей клинике дождалась получения документов на выезд за границу какая-то дочь его друга. Понятия, кстати, не имею, о ком речь.

— А у тебя теперь отель со всеми удобствами?

— Вот я тоже об этом спросила, но отец вдруг начал говорить умоляющим тоном, и я... ну, понимаешь... короче, сломалась. Он меня никогда ни о чем не просил, хотя сам очень помог — помнишь?

— И ты решила, что обязана рассчитаться?

Я повернулась на правый бок, подперла голову кулаком и посмотрела на Матвея:

— Ты не одобряешь?

— Можно подумать, что-то изменится от моего неодобрения. Ты ведь уже приняла решение.

— Скажем так — я не отказала. Да и что может случиться, если одну палату займет какая-то девушка? Не обеднею.

И, словно в ответ на мои слова, телефон пискнул оповещением о пришедшем сообщении. Оно оказалось от отца, и текст гласил: «Мы не обго-

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

ворили расходы. Не волнуйся, я все оплачу по банковским реквизитам, они у меня есть. Хорошего дня, Аделина». Я молча протянула телефон Матвею, тот прочитал и покачал головой:

— Не нравится мне это.

— Ты просто отца моего не знаешь.

— И что — он великий филантроп и благотворитель?

— Матвей, не смешно.

— Да я и не смеюсь. Ты столько раз рассказывала, что он спокойно оставил вас с матерью, исчез на долгие годы, а теперь убеждаешь меня в том, что его хобби — помогать попавшим в беду девушкам? Мягко говоря, странно.

Я вздохнула. Матвей был прав, а я просто подсознательно пыталась защитить отца — все-таки кровь, что ни говори, вещь сильная. Уж не знаю, что там за друг был и чем мой отец ему обязан, раз решил помочь его дочери, но мне почему-то хотелось, чтобы в отце было что-то... человеческое, что ли. В конце концов, ведь он помог мне в свое время, когда я уже почти потеряла клинику, разобрался и с кредиторами, и с шантажистами. Правда, мне всегда потом казалось, что сделал он это с единственной целью — чтобы на старости лет не мучила совесть за то, что в нашем с братом детстве его не было. Но Николенька, периодически баловавший меня телефонными звонками и длинными, подробными письмами, утверждал, что отношения с отцом у него сложились самые

МАРИНА КРАМЕР

что ни на есть родственные. Они вместе ездили на рыбалку, отмечали праздники — словом, вели себя как отец и сын, которые никогда и не расставались. Наверное, Николенька был слишком мал, чтобы ощутить тот вкус предательства, что ощутила я, когда отец ушел.

— Ладно, разберемся, — пробормотала я и села. — Пойду собираться, сегодня операционный день.

— В понедельник? — удивился муж. — Что вдруг?

— Так получилось. В ночь привезли кого-то из городской больницы, нужна сложная восстановительная операция.

— Вернешься поздно?

— Как пойдет.

— Тогда с меня ужин?

— Как хочешь, Матвей. Будет настроение — готовь, нет — обойдемся тем, что есть. — Я поцеловала мужа в щеку и отправилась в душ.

Надежда

Август

Это ужасное ощущение беспомощности, когда утром, открыв глаза, думаешь не о том, чем бы заняться, а о том, куда бы спрятаться и переждать еще один день. Так, наверное, чувствуют себя преступники, понимая, что розыск объявлен. Но я-то

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

ничего не совершила, я вообще ни при чем и до последнего не знала, что происходит. Жила себе, училась, работала, ходила с подругами в парк, в кино, покупала какие-то вещи, любила томатный сок и очень сладкий чай и даже представить себе не могла, что вся эта беззаботная жизнь закончится в одну секунду. Ровно в тот момент, когда моя мама шагнет с тротуара прямо под колеса грузовика.

Но я не подозревала, что смерть и похороны далеко не самое страшное. Самое страшное — это ощущение постоянной загнанности, опасности и тревоги, и абсолютная беспомощность. Я осталась один на один с такими проблемами, что смерть иногда виделась мне лучшим и легчайшим выходом. Как, видимо, показалось и маме, потому она и сделала этот страшный выбор. Иногда к ночи, поняв, что сегодня все еще жива, цела и невредима, я с ожесточением думала о том, что мама поступила очень эгоистично. Она избавила от проблем себя, но совершенно не задумалась обо мне, о том, что весь этот ком покатится в мою сторону. И кто знает, в какой момент я устану убежать или буду бежать медленнее, чем требуется.

Завибрировал мобильный — я давно уже перестала включать звук, потому что всякий раз вздрагивала всем телом от раздававшейся мелодии. Я вытянула руку из-под одеяла и взяла телефон, зажмурилась на секунду, решая, смотреть ли на

МАРИНА КРАМЕР

экран или сразу сбросить звонок, но потом, открыв один глаз, увидела, что звонит Света. Подруга осталась единственным человеком, с которым я теперь общалась и на чьи звонки непременно отвечала, иначе мнительная Светка тут же примчалась бы из любого конца города, бросив все дела.

— Алло, — хриплым от сна голосом проговорила я.

— Надюшка, привет. Ты что, спишь еще?

— А что мне делать еще? Во сне время быстрее проходит.

— Никуда не собираешься?

— Нет.

Сама мысль о необходимости выйти из квартиры казалась мне настолько ужасной, что даже мурашки побежали по спине. Дом виделся мне относительно безопасным местом хотя бы потому, что выламывать дверь никто не станет — соседи тут же в полицию позвонят, а вот на улице может случиться что угодно.

— Тогда я к вечеру приеду, привезу продукты, у тебя наверняка в холодильникемышь повесилась. Есть пожелания?

Пожеланий у меня не было, как, собственно, не было и денег на продукты. Зарплата еще не скоро, снова залезать в крошечную заначку не хотелось, да и для этого нужно было пойти в банк и поменять доллары на рубли, поэтому я решила пока продержаться на том, что еще осталось в доме —

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

какие-то крупы, макароны, замороженные с прошлого лета овощи и ягоды.

Поняв причину моего молчания, Света решительно заявила:

— Надюшка, прекрати ломаться. Я предлагаю тебе помощь, а ты постоянно ее отвергаешь. Что, если бы я оказалась в трудной ситуации, ты не могла бы?

— Помогла бы... — промямлила я пристыженно.

— Вот! А представь, что я всякий раз бы строила из себя непонятно кого и отказывалась — ты бы что почувствовала? — Я промолчала, и Светка торжествующе закончила: — Вот и веди себя прилично. Короче, буду около семи, позвоню прямо от подъезда. Целую, до вечера.

Она сбросила звонок, а я швырнула телефон на кровать и заплакала. Какое счастье, что у меня есть Светка... Не будь ее, даже не знаю, что бы я вообще делала. Это Светка поддержала меня после смерти мамы, помогла организовать похороны. Это у нее и ее мамы я жила неделю после них. Это Светка и ее мама-инвалид поддерживали меня, как могли.

Илана Григорьевна вообще стала чем-то вроде эталона стойкости, и всякий раз, когда мне хотелось опустить руки и перестать сопротивляться, я вспоминала ее хрупкую фигурку в инвалидном кресле и понимала — да ведь это же стыдно, имея две ноги и две руки, ныть и жалеть себя, когда немолодая женщина, не имеющая возможности пе-

редвигаться, мало того, что делает всю домашнюю работу, так еще и танцует. Да-да, Илана Григорьевна занималась в клубе танцоров-колясочников, даже ездила со своим партнером на конкурсы, к которым долго и тщательно готовилась, шила платья и тренировалась.

Я никогда не видела ее грустной, печальной, унылой или — не дай бог — злой. Она всегда улыбалась, даже рассказывая, как, например, тяжело на коляске попасть в магазин тканей или в бутик, торгующий камнями для расшивки костюмов.

Конечно, на фоне всего этого я казалась себе слабой и беспомощной нюней, но это довольно быстро проходило, едва я покидала квартиру. Все стены на площадке были исписаны красной краской — мое имя, фамилия и отчество, оскорбления, угрозы.

Коллекторы умеют нагнать страха и объяснить, что мои проблемы куда серьезнее, чем даже я сама могла бы себе нафантазировать. Никакие заявления в полицию, кстати, не помогли — ко мне никто не прикасался, в квартиру вломиться тоже не пытались, а испорченные стены в подъезде — ну что же, мелкое хулиганство, административный штраф. Если, конечно, удастся поймать вандала с поличным.

Домашний телефон я уже давно отключила, чтобы не вздрагивать всякий раз от звонков, раздающихся в любое время дня и ночи. Мужские го-

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

лоса — каждый раз разные — произносили примерно одинаковый текст с угрозами, от которых у меня потом болело сердце. Мама-мама, что же ты наделала...

Игорь

На собеседование в эту клинику ему посоветовал прийти старый приятель Филипп. Сам он оперировал тут уже несколько лет, был очень доволен и даже начал работать над диссертацией.

— Начальница у нас — закачаешься, — с восторгом рассказывал Филипп, расписывая Игорю перспективы, которые открывались перед хирургами в клинике. — Сама работает на износ и от нас требует.

— Старая дева, что ли?

— Ты что! — вроде как даже обиделся Филипп. — Она замужем, муж, кстати, раньше у нас работал, потом ушел в академию преподавать. И вообще — Аделина мировая тетка, всегда поможет, подскажет.

— Не люблю начальниц-женщин.

— Это сексизм, брат, — рассмеялся Филипп. — А вот поработаешь — поймешь, что ошибся.

Игорь признал ошибку в тот момент, когда оказался в операционной за одним столом с Аделиной Драгун. Никогда прежде ему не доводилось видеть такой ювелирной работы, такой четкости в движениях, выверенных, казалось, до мельчай-

ших деталей. Игорь с удивлением отмечал для себя новые приемы, о которых раньше не слышал, старался запомнить все, что происходило сейчас на его глазах, потому что отдавал себе отчет в том, что все это очень пригодится в дальнейшей работе. И нет никакой разницы, у кого учиться — у мужчины или у женщины.

— Ну что, Игорь Александрович, каков прогноз? — умываясь после операции, спросила Драгун.

— Когда пройдет курс реабилитации, не будет заметно даже швов. Я только не понял, как вы этого добиваетесь.

— Авторская методика, — коротко сказала она. — Со временем научитесь, у вас хорошие руки и есть потенциал. Почему кардиохирургию оставили?

— Не было перспектив, — уклонился Игорь.

— Я бы не советовала начинать наше сотрудничество с обмана, — спокойно заметила Драгун. — Я навела справки, и вас характеризовали как самого способного и перспективного из всех ординаторов. Ваш уход явился не очень приятной неожиданностью как для вашего наставника, так и для руководства больницы. Так как же насчет отсутствия перспектив?

«Если сказать, что дело в деньгах, буду выглядеть меркантильным рвачом, — лихорадочно искал оправдания Игорь, машинально намывая руки под струей воды. — Да и не в том вопрос...»

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

— Кем он был? — вдруг спросила Драгун.

Игорь, вздрогнув всем телом, уронил губку в раковину:

— Кто?

— Тот пациент, из-за которого вы решили сменить специализацию?

Игорь, опустив голову, промолчал. Она попала в то самое больное место, которое он так старательно защищал от всех. Ни с кем и никогда Игорь Авдеев не обсуждал причины своего решения бросить кардиохирургию и заняться пластикой, даже с мамой. Он чувствовал себя предателем, однако ничего поделаться не мог — всякий раз, входя в операционную, он видел на столе не того пациента, что лежал там, а совершенно другого человека, и это видение, преследовавшее Авдеева долгие годы, мешало работать, мешало сосредоточиться. А когда в твоих руках человеческое сердце... ну, словом, в какой-то момент Игорь четко понял, что так продолжаться не может, он просто не имеет права подвергать опасности чужие жизни. Выходов было несколько. О переквалификации в какую-то из терапевтических специальностей Авдеев думать не хотел — не близко, неинтересно, не нравится. Уйти из медицины совсем казалось еще более немыслимым, чем стать терапевтом. Он ничего больше не умел и ничем не интересовался. Оставалось выбрать какую-то хирургическую практику, не требующую вскрывать грудную клетку. Игорь выбрал пластическую хирургию, прошел

спецкурс, потом еще один, убедился, что неприятные ассоциации исчезли, а выбранная специализация даже нравится, начал поиски клиники. Хотелось работать не абы где, а там, куда идет больше пациентов, чтобы в потоке лиц совсем избавиться от своих демонов.

Рассказывать об этом Драгун он не собирался, как не говорил об этом ни с кем — привык подавлять эмоции и держать мысли при себе, так уж повелось примерно лет с двенадцати.

— Значит, не расскажете, — заключила Аделина, направляясь к выходу из предоперационной. — Дело ваше. Но имейте в виду — если ваши тайны начнут мешать работе, я без колебаний расстанусь с вами, каким бы блестящим хирургом вы ни были.

Игорь молча кивнул. Он знал, что ему предстоит еще ряд бесед с психологом — этого владельца клиники требовала ото всех, кто устраивался к ней на работу, а затем повторяла эти циклы раз в год, чтобы сразу отметить у своих врачей первые признаки профессионального выгорания или симптомы депрессии. Пациенты в клинику попадали очень разные, у некоторых были такие повреждения или врожденные дефекты, что это требовало от врачей определенного эмоционального напряжения.

Психолог Игорю неожиданно понравился — примерно его лет, с мягким голосом, спокойными движениями и тихой, неторопливой речью. «Ин-